

ОБЩИННЫЙ ВЕСТНИК

АВ - ЭЛУЛ 5772

ПЕТРОЗАВОДСК
N 169

АВГУСТ 2012

О НЕСОВЕРШЕНСТВЕ МИРА

Адин Штейнзальц отвечает на вопросы Михаила Горелика

- В прошлый раз мы с вами говорили об интернете как о символе мира, который хочет жить без границ. И о том кризисе, который возникает при последовательном снятии всех границ и оборачивается поиском новых границ: новых "нельзя", "можно" и "нужно". И вы сказали, что в результате этого кризиса человек поворачивается лицом к традиционным ценностям.

- Всё не обязательно. Но это одна из возможностей. Одна из многих возможностей.

- Ну, хорошо, положим, он делает именно такой выбор. Не окажется ли он в своеобразной ловушке, перейдя от мира без границ к консервированному, архаичному и враждебному современному миру с железобетонными границами, через которые не то что птица - не может перелететь даже ветер времени?

- Ну, почему же непременно "законсервированному, архаичному и враждебному"? И потом, ведь нередко бывает, что ветер времени - это чумное поветрие; тогда пусть он действительно лучше задержится на границе, и если она способна это поветрие удержать, то честь ей и хвала! Впрочем, проблема, о которой вы говорите, реально существует. Действительно, отличительная черта традиционного общества - нелюбовь к новшествам. Это, кстати, относится и к науке и к бизнесу. Вспомните, сколько веков держалось в науке аристотелианство и как институт цехов боролся против любых нововведений. У традиционного общества настоящий страх перед новыми вещами. И этот страх религиозно обоснован: Вс-вышний не создал этих вещей? Ведь не создал? А раз не создал, значит, и не надо. Если бы Вс-вышний хотел, чтобы мы летали, мы бы рождались с крыльями.

- Вы хотите сказать, что в рамках такого подхода к миру изменения нехороши с религиозной точки зрения? Что стальные руки-крылья - как бы вызов Вс-вышнему, Который создал человека бескрылым?

- Именно так. Но дело в том, что еврейское понимание жизни, на котором было построено и стоит и поныне еврейское традиционное общество, придерживается иной точки зрения. Мы считаем, что Вс-

вышний действительно создал мир несовершенным, что мир, созданный Им, требует усовершенствования.

- Я не ослышался?

- Нет, вы поняли правильно. В Талмуде приводится дискуссия, которая имела место во втором веке, но сохраняет свою актуальность и поныне. Знаменитый законоучитель рабби Акива обсуждал с одним высокопоставленным римским чиновником как раз ту же самую проблему, что и мы с вами. Академическая сторона дела волновала римлянина не в первую очередь. Речь шла о вещах, имеющих четкий политический смысл: римская власть объявила обрезание уголовным преступлением. Чиновник не хотел эксцессов и адресовал свой теологический аргумент через рабби Акиву всему еврейскому миру. Аргумент представлялся ему безукоризненным: если Вс-вышний сотворил человека совершенным, обрезание бессмысленно. Рабби Акива этот аргумент не принял - он

твердо стоял на том, что человек может улучшить мир, созданный Вс-вышним, более того, человек просто обязан это делать. Обрезание, в конце концов - частный случай. Например, хлеб - разве хлеб не более совершенное создание, нежели пшеница? Еврейская мысль вошла в конфликт с римской политикой, и рабби Акиву в конце концов отправили для продолжения дискуссии в руки к палачу, который оперировал совершенно иными (не имеющими прямого отношения к теологии) аргументами, в результате чего законоучитель принял мученическую смерть, не только не изменив своей уверенности в том, что мир, в котором мы живём, нуждается в совершенствовании, но даже получив тому серьезное подтверждение. Эта дискуссия о совершенстве и несовершенстве мира и воле Всевышнего отражает самый широкий спектр жизненных ситуаций. Если все на свете совершается по воле Вс-вышнего, может быть, не стоит обращаться к врачу?

Еврейские законоучители сравнивали врача с крестьянином. Крестьянин ведь не оставляет поля в исходном природном состоянии, он трудится, чтобы изменить его, - без этого не видать ему урожая. Точно так же врач оказывает воздействие на тело пациента. И это не противоречие воле Вс-вышнего - это как раз исполнение Его воли. Обратите

внимание: процент евреев-врачей в мире превосходит все мыслимые пропорции. А в Израиле их больше, чем где бы то ни было, и что с ними делать - вообще непонятно.

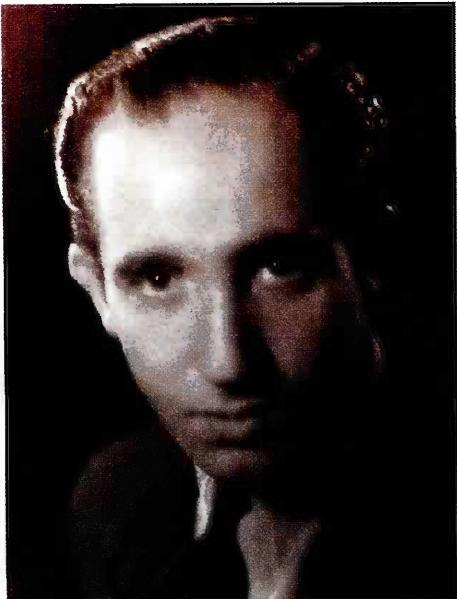
- Надо полагать, все это относится не только к сельскому хозяйству и медицине?

- Ну, конечно. Мир, созданный Вс-вышним, принципиально незавершен, долг человека его постоянно совершенствовать во всех сферах. Это относится и к техническому прогрессу, и к общественной деятельности. Еврей может не иметь никакого отношения к еврейской религии или иметь о ней самое смутное и превратное представление, может о ней не думать и даже вообще ничего о ней не знать, но идеи, которые иудаизм сделал неотъемлемой частью еврейского общественного сознания, выветрить из него очень трудно. Еврей - каких бы политических и даже мировоззренческих взглядов он ни придерживался - уверен, что мир можно и нужно менять. Религиозный еврей считает, что от него это требует Вс-вышний. Для нерелигиозного еврея это и так ясно само по себе. И вот в этом пункте евреи могут быть для мира очень полезны, но могут быть и очень опасны. Полезны - когда осознают свою ответственность, опасны - когда воля к совершенствованию мира ничем не ограничена и питается исключительно пафосом исторических преобразований.

Не потому ли в мире нет революций, в которой евреи не приняли бы самого активного участия? А если обратиться к науке - посмотрите, сколько евреев среди творцов атомной бомбы. Прогресс - опасная штука.

PADAM, PADAM, PADAM

Регина Кон

Гланцберг, 1941

Она называла его "мой Ноно", а свои письма к нему подписывала "Твоя Фифи". Она уверяла, что он владеет ключом к тайне музыки, а он написал для нее песню, ставшую одним из музыкальных символов Франции. Ее имя знает весь мир - это Эдит Пиаф. Его звали Норберт Гланцберг.

Натан Гланцберг родился в 1910 году в Рогатине, в Галиции, в семье мелкого торговца Шмуэля Гланцберга. В надеждах на лучшую жизнь семья перебралась на Запад, в баварский город Вюрцбург. Сразу же после переезда Натана стали называть Норберт.

Неподалеку от Гланцбергов жила еще одна семья переселенцев из Восточной Европы по фамилии Ойстраки. Согласно семейной легенде, первым собственным музыкальным инструментом Норберта стала губная гармошка, подаренная Ойстраками. Через много лет, на концерте великого скрипача Давида Ойстрака в Париже похихикался дама, сидевшая рядом с Норбертом, неожиданно спросила, уж не сын ли он Гланцберга, и, пояснив, что она - жена Ойстрак из Вюрцбурга, с гордостью добавила: "Давид - мой племянник".

Вскоре среди вюрцбургского еврейского сообщества распространялся слух о необычайной музыкальной одаренности мальчика, который еще трехлетним спросил маму, почему музыка смеется и плачет. Его даже стали называть маленьким Моцартом.

В 1914 году в жизни Норберта произошло несколько знаменательных событий: родилась сестричка Азель, начались Первая мировая война и отца призвали служить санитаром. Впрочем, прощание с ним прошло почти незамеченным, потому что в тот самый день привезли огромный ящик с писанином, приобретенным мамой Норберта, которая верила в талант своего сына больше всех.

В школе Норберт скучал, гораздо интереснее для него были занятия в вюрцбургской консерватории, которую он начал посещать еще 14-летним и сразу же прослыл "божественно талантливым". Композиции юный Гланцберг обучался в классе профессора Германа Цильхера, директора консерватории, основателя вюрцбургского Моцартовского фестиваля, старейшего в Германии и одного из первых в Европе.

В 1927 году Норберт сообщил отцу, что бросает школу и начинает работать в театре аккомпаниатором. А ведь Шмуэль, как многие еврейские родители, мечтал видеть сына врачом или юристом. Для того же он день за днем колесил по всей Баварии, предлагая различным торговцам образцы вина, чтобы его первенец стал каким-то клямером, странствующим музыкантом, радующимся каждой заработанной на свадьбе монете?

Но Норберт и не думал становиться скрипачом на свадьбах. Он был принят концертмейстером в вюрцбургский театр; по случаю ему удалось дирижировать нескользкими операми и даже руководить постановкой "Трехгрозовой оперы" Брехта. Мировой экономический кризис 1929 года не миновал и Вюрцбург, театральный бюджет скратился, а вместе с ним и репертуар. Но Норберт и так уже все чаще поглядывал в сторону вокзала - его влекли те города, чьи названия он еще мальшом зачарованно читал на вокзальных табличках: Мюнхен, Вена, Берлин.

Норберт отправился в Аахен, где должен был аккомпанировать на repetицияхбалетной группы, сопровождать драматические спектакли, а также дирижировать. Аахен стал еще одним профессиональным трамплином для Гланцберга. В тамошней балетной группе служила некая Ирма-Гард Керн, также приехавшая из Вюрцбурга. Однажды она попросила Норберта аккомпанировать ей на показе в берлинском театре-варьете "Адмиралспаласт", где то время готовилась новая постановка "Королевы чараджа" Имре Кальмана. Можно только догадываться, что пережиты юноша из провинции, который еще не видел больших городов, попав в метрополию на Штрее? Улицы, полные таращащих автомобилей, двухэтажных автобусов, метро, о котором он прежде только слышал. Но самое неожиданное произошло во время показа в "Адмиралспаласте". Когда Ирма-Гард закончила свой номер, члены комиссии буквально взбежали на сцену, и среди них сам маэстро Кальман. Но интересовала не танцовщица. "Где вы работаете?" - спросил Кальман пианиста. - "Концертмейстер в Аахенском театре". - "Сколько вы там зарабатываете?" - "150 марок в месяц". - "Если останетесь здесь, получите 350".

Это щедрое предложение решило судьбу двадцатилетнего музыканта из Вюрцбурга. "В Берлине столько музыкантов, что они нашли во мне?" - спрашивал себя Гланцберг.

Каждая repetиция приносила Норберту знакомство со знаменитостями. Одним из новых знакомых Гланцберга стала легендарный блондин Ганс Альберс, звезда сцены и немого кино. Гансу нравился рыжеволосый капельмейстер Гланцберг, и он часто приглашал Норберта в свою уборную.

В те годы кинематограф был необычайно популярен в Берлине. Достаточно сказать, что в 1925 году кинотеатры в общей сложности посетили 44 миллиона зрителей. Одной из самых популярных была музикальная комедия "Трое с бензоколонки", в которой снималась среди прочих и Ольга Чекова. Мелодии из этого фильма распевают в Германии по сей день.

На киностудии УФА, где только что был снят первый немецкий звуковой фильм, получивший мировой признание, "Голубой ангел" с Марлен Дитрих в главной роли, режиссер Билли Уайдер приступил к съемкам фильма "Фальшивый супруг". Для этого фильма Гланцберг сочинил заглавную песню: "Люви меня, любимый, я - твоя весна, я - твой солнечный свет... ", ставший хитом летнего сезона. Газеты восторгались: "Новичка зовут Норберт Гланцберг. Его ритмы соблазнительны, а композиции захватывают, как лучшие творения Фридриха Холмандера [автора песен к "Голубому ангелу"]". Он писал легко и непринужденно, буквально одной левой". "Фальшивый супруг" демонстрировался и в Вюрцбурге. Шмуэль Гланцберг, давно переставший осуждать выбор сына, стоял у входа в кинотеатр и, указывая на афишу, где имя Норберта было выведено большими буквами, гордо повторял: "Это - мой сын!"

Гланцберг сочинял музыку и к другим фильмам, но вскоре УФА перестала сотрудничать с евреями. 15 июля 1932 года журнал "Немецкий фильм" написал о том, что композиторы УФА - сплошь евреи, а немецкую литературу и кино должны создавать только люди, "чувствующие по-немецки". Сам тогдашний гауляйтэр Берлина Йозеф Геббельс выступил по этому вопросу, упомянув конкретно Гланцберга: "Этот маленький галицийский еврей Гланцберг слизывает у молодых светловолосых композиторов масло с хлеба". Позже Норберт с горькой улыбкой вспоминал об этом персональном упоминании как об особой чести.

Травля усугублялась. Однажды вечером хозяин квартиры встретила Гланцберга на углу перед домом и предупредила: "Не ходите домой - вас ждут двое из гестапо!"

Центр эмиграции для многих немцев в первые годы гитлеровского режима был Париж, и Гланцберг, по примеру коллег, поспешил во Францию. Эмигранты встречались в кафе и беседовали ночи напролет. Нередко там же случалось найти работу. Немецкий писатель Герман Кестен в

своей книге "Поэт в кафе" писал: "В эмиграции кафе были домом и родиной, церковью и парламентом, пустыней и полем браны, колыбелью имязой и кладбищем".

В Париже Гланцберг встретил Билли Уайдера, готовившегося к дальнешнему путешествию - в США. "Поехали вместе, Норберт". Но Гланцбергу было трудно представить свою жизнь за океаном. Он и сам не знал, почему. Возможно, это был страх провинциального юноши, да и родители с сестрой остались в Вюрцбурге, он не хотел еще более удаляться от них.

Нужно было зарабатывать деньги, и комитет беженцев предложил Гланцбергу работу уличного продавца мелких канцелярских принадлежностей, но, как композитор вспоминал впоследствии, среди всех талантов, дарованных ему, талант предпринимательства отсутствовал.

Заработанных франков едва хватало на питание, но все-таки ему удалось взять напрокат аккордеон, и он играл во дворах, а потом шел в эмигрантскую столовую, занимал место за столом, покрытым белой скатертью, получал обед из четырех блюд, стакан вина, и ему казалось, будто вернулась прежняя жизнь.

Затем была работа пианистом в еврейском театре и руководство небольшим ансамблем: аккордеон, контрабас, он сам - за роялем, гитаристом же был легендарный цыган Джано Рейнхард, автор "Минорного свинга". Они регулярно играли в танцевальных залах и кафе, и именно тогда Гланцберг впитал стиль французской легкой музыки.

В это время Эдит Пиаф тоже должна была доказывать самой себе и окружающим, что способна она, подобранная на улице папашей Лепле, владельцем кабаре на Елисейских Полях. Лепле научил ее препарировать в концертмейстером, выбирать репертуар и вести себя на сцене. Именно он нашел для Эдит псевдоним - Пиаф, "бородышик". Первые выступления были успешными, но вскоре Луи Лепле был убит стрелом в голову, и Эдит Пиаф оказалась в числе подозреваемых, так как в завещании он оставил ей небольшую сумму. Газеты раздули эту историю, и посетители кабаре, где выступала Эдит, вели себя враждебно, считая, что они вправе "наказать преступницу". Все отвернулись от нее, друзей можно было пересчитать по пальцам одной руки.

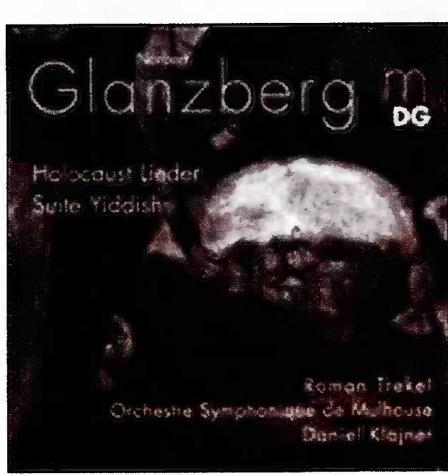
Однажды ансамблю Гланцберга довелось аккомпанировать маленькой певице. На ней болталась бесформенные одежды, на ногах были массивные ботинки, говорила она так, что Гланцберг не разобрал ни слова, а петь не умел вовсе. Голос звучал одновременно и скрипуче, и пронзительно, и к тому же почти не был поставлен. Но какая-то глубокая меланхолия в сочетании с драматизмом исполнения увлекли слушателей. Закончив петь, она спустилась с балкона в зал, к публике, чтобы по обыкновению уличной певицы с жестяной тарелкой в руках собрать чаевые. Тогда никто не предвидел, что через несколько лет Эдит Пиаф станет всемирно известной звездой шансона. И Гланцберг никак не мог предположить той ночью, что однажды от этой малышки будет зависеть его жизнь.

Когда Гланцберг прибыл в Париж, его зарегистрировали не как немца, а как поляка, ведь он родился в Польше. Поэтому уже 6 сентября 1939 года, через 5 дней после нападения Гитлера на Францию, Норберта привезли в пехотные части польской Армии в изгнании под командованием маршала Сикорского, входившего в состав французской армии. Внезапно Норберт Гланцберг, музыкант, ансамблист, певец, полагаясь своей воле, оказался среди решительных и не слишком дружелюбных польских солдат, под бомбежкой немецкой авиации. И Гланцберг бежал: он прошел 200 км до Марселя, где нашел убежище в центре для беженцев под многообещающим названием "Добро пожаловать".

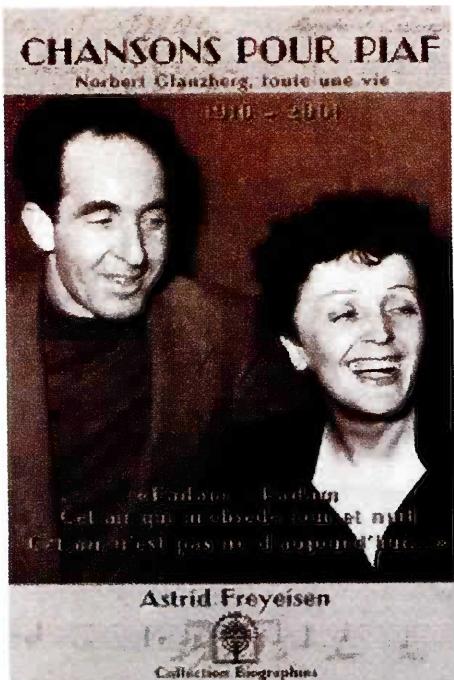
В марсельских кафе, служивших, как и в Париже, местом встречи эмигрантов, Гланцберг сразу же встретил своих прежних коллег и познакомился со многими знаменитостями: Фернандино, Тино Росси, Морисом Шевалье. И вот, в начале октября 1941 года, в том кафе, где частенько сидевал Норберт, появилась Она, та девочка, которая несколько лет назад в Париже собирала чаевые в жестяную тарелку. Теперь все переменилось. Двадцатипятилетняя Эдит Пиаф была звездой, каждый во Франции знал ее имя. Певица представила новые гастроли - "воробей из Парижа собирался облететь Южную Францию". Гланцберг вспоминал: "Она искала пианиста и решила взять меня". В то время немецкие войска заняли Париж, был образован новый правительственный кабинет маршала Петена, чья политика по отношению к евреям отвечала нацистским требованиям.

Когда я сидел за пианино, внутренний голос часто звал наше имя на ухо: "Все бесмысленно, клавиши пианино поют о будущем, которого не существует. Все равно немцы тебя настигнут. И неважно, когда и где это будет, ты живой мертвей".

Как раз когда турне закончилось, положение драматизировалось. Немцы потребовали выдать евреев и с французскими паспортами, и иностранцев. Проводились обыски, все пойманные были безжалостно депортированы. Эдит Пиаф прятала Гланцберга у бабушки своего секретаря под Марселеем. Это стало первым убежищем Гланцберга, за которым последовало много других. Некоторые принадлежали марсельской сети нелегального сопротивления, там не только скрывались люди, но и хранились продукты

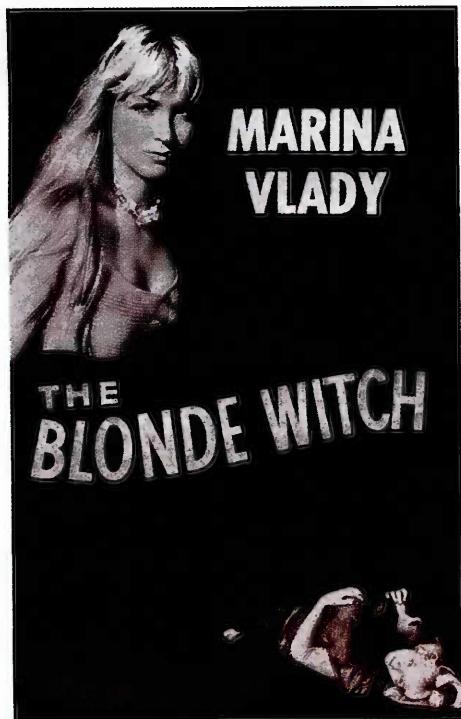
Конверт пластинки "Лесни Холокоста" и "Еврейская сюита"

Обложка книги «Шансон для Пиаф»

и одежду. Гланцберг больше не мог выступать, даже выходить на улицу было рискованно. Эдит видела, что петля вокруг шеи ее Норберт затягивается, и искала выход. Ее известность помогла найти путь к спасению.

Эдит попросила графиню Лили Пастре предоставить убежище Гланцбергу в своем роскошном замке неподалеку от Марселя. Замок в необарочном стиле был окружен огромным парком с прудами и каналами, засаженным маточниками и пальмами. Бесчисленные маленькие гроты, укрытые кустами, в случае опасности могли стать убежищами, и авторыни даже засекали время, которое требовалось, чтобы добраться до них при малейшей угрозе. Помимо Гланцберга, чье пребывание в замке оправдывало Эдит, графина приютила Клару Хаскил, одну из лучших пианисток мира. Та страдала от рака мозга и ожидала операции, которая впоследствии была успешно проведена прямо в подвале замка. Кроме того, в замке жили хореограф и секретарь Дагиева Борис Кохно, известный сценограф Кристиан Берар и дирижер Мануэль Розенталь, ученик Равеля. Эти деятели искусства создавали для графини своего родаサロン, в котором она царила. Лили Пастре многие описывали как эксцентричную особу, гонявшую в спортивном авто и больше всего на свете любившую искусство.

Афиша фильма «Колдунья»

Гланцберга укрывал и композитор Жорж Орик, ставший после войны директором Гранд-Опера. У него был дом в Антибах, где нередко вечерами музицировали гости и сам хозяин. Они забывали об осторожности. Однажды, когда Гланцберг играл на рояле произведения Бетховена, в дверь постучали. Это были немцы, пришедшие напомнить о затяжении. Один из них спросил: «Кто здесь играет музыку моей родины?» Норберт окаменел за инструментом. Солдат смирил его долгим взглядом, повернулся, и незваные гости ушли. Гланцберг был уверен, что это провал, и через много лет еще помнил ужас тех секунд, когда находился между жизнью и смертью.

В тот раз обошлось, но 2 мая 1943 года в Ницце в отеле, где он жил по фальшивому паспорту, Гланцберг был схвачен. Ему было разрешено отправить письмо графине Пастре, которая вместе с Эдит и Тино Росси стала добиваться его освобождения. В конце концов известная актриса «Комеди Франзез» и звезда киноэкрана Мария Бел сумела убедить префекта полиции Дурфа принять участие в судьбе галантного музыканта. Последовало счастливое спасение в машине префекта, который через десятилетия, в 90-х годах, увидев передачу о Гланцберге по французскому телевидению, позвонил ему и напомнил давние события.

6 июня 1944 года состоялась высадка союзников в Нормандии, вскоре Пиаф впервые выступила в дневных спектаклях «Мулен Руж» вместе с молодым Ивом Монтаном, а 24 августа танки французского генерала Леклерка въехали в столицу.

Все деятели искусства, которые выступали во время оккупации, должны были предстать перед «Комитетом по чистке». Среди них и Эдит Пиаф. Норберт Гланцберг неоднократно выступал в этих процессах как свидетель, подтверждая честное имя многих коллег. В пользу Эдит кроме Гланцберга свидетельствовали спасенные ею евреи - композитор Михаэль Эмер и режиссер Марсель Бистен.

Весной 1947 года Гланцберг, сопровождая Тино Росси в гастрольной поездке по Америке, впервые за долгие годы разлуки встретился со своими родителями и сестрой, успевшими эмигрировать буквально в последние мгновения.

В 1949 году появилась песня, которая стала визитной карточкой Ива Монтана и Гланцбергу принесла большой успех: *Les grands boulevards*, «Большие бульвары».

А вскоре Пиаф вспомнила о мелодии с пульсирующим мотивом, которую Гланцберг наиграл ей еще в 1942 году. Она позвонила поэту Анри Конте: «Анри, вот мелодия, сочиненная Норбертом, которая преследует меня повсюду. Моя голова просто гудит от нее. Мне быстро нужен чудесный текст!». И стала по телефону напевать: «*Tada-tada-tada!*».

Конте озарился: «Вот оно! Нет более прекрасной истории для шансона! Слова Эдит просто нужно обратить в позицию *Padam, padam* - как биение сердца. *Padam*, этот мотив преследует меня день и ночь, он приходит издалека иводит меня с ума!»

15 октября 1951 года песня «*Padam, padam*» была записана на пластинку. Этот шансон обрел бессмертие, воплотившись в бесчисленных версиях и став легендой двадцатого столетия, а с ним и они - Эдит Пиаф и Норберт Гланцберг. Песня перешагнула океан, и мать Норберта с гордостью написала сыну, что много раз слышала его песню по американскому радио.

В 1950-х Гланцберг познакомился с Марией Мазурек, двадцатипятилетней польской, выросшей во Франции. Так встретились два человека родом из Польши, католички и еврей, знающие Восточную Европу лишь по рассказам родителей. Гланцберг, по его словам, был сыт богемными бестиями. Маришка была иной. С ней он чувствовал себя спокойно, именно это и было ему необходимо после всего пережитого. Они поженились 15 января 1952 года, а в ноябре 1952-го родился долгожданный сын Серж. Его фотографии напоминали маме Гланцберг самого Норберта, и она была полна гордости, несмотря на то, что внук не был евреем.

В конце пятидесятых Гланцберг интенсивно сочинял музыку к французским кинофильмам: «Мой дядюшка» с Бриджит Бардо, «Михаэль Строгов - курьер царя» с Куртом Юргенсоном, и любимая многими поколениями «Колдунья» с юной Мариной Влады.

Гланцбергу не удалось получить французское гражданство, а принимать польское или немецкое у него не было желания: «Я решила остаться без гражданства. Ведь принять одно, значит, сделаться шагом против другого».

В 1976-м Маришка, которая, казалось бы, всегда зависела от Норберта и была привязана к нему, ушла от мужа. Сын Серж, до того живший то у отца, то у матери, в двадцать лет уехал в Англию - семейная история Гланцбергов повторилась. Молодой человек, пресытившийся классической музыкой, постоянно звучавшей дома, обожал рок, Rolling Stones, Джимми Хендрикса и не расставался с электрогитарой, которую отец и с музыкальным инструментом не считал. В Англию Серж отправился учиться звукозаписи, так как считал, что в Париже этому научиться нельзя.

Все покинули Гланцберга. Он жил в Нёйи-сюр-Сен, за пределами пригорода Парижа, столь любимом творческими людьми, где на кладбище покоятся Василий Кандинский, Анатолий Франс, Андре Моруа, Рене Клер и Франсуа Троффо. Вечера коротал на концертах и в опере, одинчество

переносил болезненно. Открыв для себя библиотеку Института Гете, он начал опять читать по-немецки и однажды увидел сборник *Der Tod ist ein Meister aus Deutschland* («Смерть - мастер из Германии»), составленный из стихов, написанных заключенными в концлагерях, евреями и борцами Сопротивления, большинство из которых погибли. Впечатление было так велико, что Гланцберг, выбрав двенадцать стихотворений, создал вокальный цикл «Песни Холокоста». Гланцберг говорил, что самый веселый мотив звучит у восточноевропейских евреев в миноре. Музыкальное подтверждение этому - «Еврейская сконты» для двух фортепиано, которую композитор создал, читая книги Исаака Башевиса Зингера и вспоминая рассказы матери.

Имя Гланцberга было популярно во Франции, фильмы с его музыкой демонстрировались во многих странах, но в Виорцбурге, где он вырос, никому ничего не было известно о его судьбе. Все изменилось в 1997 году - когда в городе была организована выставка, посвященная немецким эмигрантам во Франции.

Виорцбургская журналистка Астрид Фрайайзен напомнила на упоминание о Норберте Гланцберге и, полная любопытства, разыскала его во Франции. Она сама рассказывает об этом так:

«Это было 3 апреля 1997 года. В биографическом справочнике виорцбургских евреев значилось, что он родился в 1910 году, местожительство в 1982 году - Нёйи-сюр-Сен. Но ведь уже прошло 15 лет...

Я позвонила в международную справочную и попросила найти парижский номер Норберта Гланцберга. Оператор привычно ответил «Минуточку!», а затем быстро процитировал цифры. Я была ошеломлена. Если это действительно он, то наверняка уже страдает амнезией, глух и не хочет больше говорить по-немецки после всего, что пережил, а это просто не помнит немецкий. Но нужно все-таки попытаться, и я решительно набрала номер.

Женский голос ответил по-французски: «Месье Гланцберг в ванной, попробуйте через десять минут!». Так просто и почти невероятно! Почему же никто не пробовал отыскать его раньше?

Как только Астрид назвала себя и сообщила, что работает на баварском радио в Виорцбурге, Гланцберг заплакал. Вспомнил город, театр и консерваторию, в которой учился. По-немецки говорил сначала с запинками, потом все свободнее, остроумно и выразительно, за двадцать минут развернув перед Астрид десятилетия своей жизни. Но не случайно он оставил заключительную часть «Еврейской сконты» «И все же!». Потому что вслед за рассказом о драматических событиях своей жизни, Гланцберг сказал: «Прекрасно. Я хочу еще раз увидеть Виорцбург и показать там мои сочинения. Нужно найти музыкантов и хорошую вокалистку, например, Ханну Шигулу, известную певицу и актрису».

Закончив разговор, Астрид долго не могла прийти в себя. Ночь прошла без сна, а на следующий день в эфир вышла первая радиопередача о Норберте Гланцберге. Позже Астрид написала книгу *Chanson fur Edith* - «Шансон для Эдит».

Композитор, который, рассказывая сыну о Германии, никогда не связывал немецкую культуру с фашизмом и «Сладким Адольфом», укрывавшим его годы, хотел этим возвращением замкнуть круг своей жизни. Вернувшись в город детства почти через семьдесят лет, в 1998 году, Гланцберг бродил по улицам, вспоминая людей и занятия и удивлялся новому Виорцбургу. Концерт состоялся в зале Высшей школы музыки. После опустошительной бомбардировки 16 марта 1945 года от старого здания, в котором учился Гланцберг, остались только ворота, но у композитора не было времени на сентиментальность. Репетиция, он забывал обо всем, ведь им руководило одно желание: именно здесь, в Виорцбурге, показать, к чему он пришел в конце жизни, по-этому требованиям к музыкантам были очень высоки.

«Еврейская сконта» и «Песни Холокоста» прозвучали при первополненном зале, а когда 88-летний композитор, который от волнения не мог говорить, сел за рояль, чтобы сыграть на бис, все восемьсот зрителей начали подпевать с первых же тактов, причем многие из них только тогда узнали, кто же написал «Падам, падам» и «Большие бульвары».

В 2000 году дирижер Фред Часмин, который был очень близок с Гланцбергом в последние годы, оркестровал «Еврейскую сконту», что придало ей еще большую выразительность и красочность. После премьеры во Франции и в Израиле произведение впервые прозвучало в Германии в исполнении филармонического оркестра Виорцбурга, а композитор был награжден премией города в области культуры. Вскоре Даниэль Клейнер, музыкальный директор театра и художественный руководитель Мюнхенского фестиваля, сделал оркестровое переиздание фортепианной партии «Песни Холокоста». Но композитор не успел услышать цикла к музыкантам были очень высоки.

В память о Гланцберге премьера «Еврейской сконты» в Иерусалиме транслировалась по всей Европе, а в день объединения Германии она прозвучала на площади перед рейхстагом в исполнении берлинского молодежного оркестра. На доме, в котором композитор провел 20 лет своей жизни, ныне висит мемориальная доска, а перед каждым Рождеством хор мальчиков исполняет его песню *Noël c'est l'amour* - «Рождество это - любовь».

К 60-летию расстрела ЕАК

ЕВРЕЙСКИЙ АНТИФАШИСТСКИЙ КОМИТЕТ В СССР

Илья Альтман

Осенью 1941г. при участии Наркома внутренних дел Л. Берия была одобрена идея о создании Еврейского Антигитлеровского Комитета, призванного информировать международную общественность о злодеяниях против евреев и способствовать открытию Второго фронта. Однако подготавлившие это предложение лидеры польского Бунда В. Альтер и Г. Эрлих были арестованы НКВД в декабре 1941г. (первый из них был казнен в феврале 1943г., а второй покончил самоубийством в мае 1942г.). Сталин решил, что эти функции должен взять на себя Еврейский Антифашистский Комитет в СССР (далее - ЕАК), состоящий исключительно из советских граждан.

О создании ЕАК было официально объявлено в феврале 1942г. Он, наряду с другими Антифашистскими комитетами - славянским, ученых, молодежи и женщин, был создан при Совинформбюро. Возглавил ЕАК художественный руководитель Государственного еврейского театра Соломон Михоэлс. В его президиум вошли выдающиеся представители советской еврейской культуры: поэты и писатели Перец Маркиш, Ицик Фефер, Самуил Галкин, Давид Бергельсон, Давид Гофштейн, Лев Квитко; первая в СССР женщина-академик Лина Штерн, заведующий Боткинской больницей Борис Шимеликович, актер Вениамин Зускин. Непосредственно курировал деятельность ЕАК, как и других антифашистских комитетов, заместитель наркома иностранных дел и начальника Совинформбюро Соломон Лозовский. За период войны ЕАК провел три митинга представителей еврейской общественности, которые широко освещались в советских и зарубежных СМИ. На них неизменно затрагивалась тема Холокоста и еврейского сопротивления. На последнем митинге Илья Эренбург и Перец Маркиш затронули вопрос об антисемитизме в СССР. Комитет подготовил к печати в западных средствах массовой информации 2000 материалов, преимущественно о еврейском героизме и Холокосте. В период войны руководство Комитета неоднократно обращалось к руководству страны с предложениями о оказании помощи уцелевшим евреям, информировало о фактах антисемитизма, ставило вопрос о сохранении еврейской культуры.

С лета 1942г. ЕАК издавал свой периодический орган на идиш - газету "Эйнайкайт" ("Единение"), одной из главных тем которой был Холокост. ЕАК предполагал издать "Черную книгу" об уничтожении советских евреев нацистами и помочь им представителями других народов СССР (текст ее был передан советским обвинением на Нюрнбергском процессе).

Во второй половине 1943г. представители ЕАК С. Михоэлс и И. Фефер были приглашены в США, а также посетили Мексику и Англию. В результате их выступлений на многочисленных митингах в фонды помощи СССР были собраны десятки миллионов долларов. Этот визит, несомненно, способствовал открытию второго фронта. В ходе визита с лидерами еврейских организаций США обсуждались и вопросы о судьбе евреев СССР. Затрагивалась на переговорах и идея о создании Еврейской республики в Крыму. Предложение об этом, направленное руководителями ЕАК Сталину и Молотову в феврале 1944г. (по согласованию с Лозовским), было одним из основных пунктов обвинения в адрес руководителей ЕАК.

Обвинения его руководителей в буржуазном национализме и "контактах" с иностранными спецслужбами МГБ впервые предоставило в ЦК еще в 1948г. Однако, после ликвидации председателя ЕАК Соломона Михоэлса в январе 1948г., лишь в ноябре того же года ЕАК был закрыт. Аресты его руководителей, сотрудников и активистов прошли в конце 1948-начале 1949г. Всего в разных городах страны по делу ЕАК было депрессировано 110 человек. Некоторые из них были осуждены (и даже приговорены к смертной казни) в 1950 г. Однако следствие по делу основных обвиняемых продолжалось до весны 1952г. Признательные показания выбывались с применением пыток. По словам Лозовского на суде, следователи вели себя как откровенные антисемиты, используя нацистскую терминологию.

Судебный процесс по делу ЕАК начался 8 мая 1952г. На скамье подсудимых оказалось 15 человек, включая трех женщин (помимо Л. Штерн, ими оказалась сотрудница Совинформбюро Ч. Ватенберг и сотрудница ЕАК Э. Теймин). Дело одного из подсудимых, бывшего наркома госконтроля РСФСР Л. Брегмана в связи с болезнью подсудимого (он умер в начале 1953г. в тюрьме) было выделено в отдельное производство. 13 человек - Лозовский, Фефер, Маркиш, Квитко, Бергельсон, сотрудник Совинформбюро И. Ватенберг и его жена Ч. Ватенберг, Э. Теймин, профсоюзный деятель Юзефович, Шимеликович, Гофштейн, Зускин - были приговорены 17 июля 1952 г. военной коллегией Верховного суда СССР. Лишь Лина Штерн по согласованию со Сталиным не была казнена. Подсудимые были расстреляны в Москве на рассвете 12 августа 1952г. Был казнен цвет еврейской культуры, надолго была прервана преемственность в ее развитии. Процесс прошел в тайне. О приговоре советская печать не сообщала.

Символично, что жертвами последнего крупного сталинского процесса стали антифашисты - деятели еврейской культуры.

http://festival.gluz.ru/rus/press/jev_anti_fshist_com.html

Еврейская община
выражает искреннюю благодарность
ФАНЕ ЦУКАРЕВОЙ
за пожертвование в фонд общины

Наша кухня**Борщ холодный сладкий**

400 г. свеклы, 400 г. картофеля, 120 г. 4-ст. сухофруктов, 4 чл. уксуса, 2 чл. соли, яйца, зеленый лук, 3,5 чл. сахара, сметана, перец.

Промытые сухофрукты залейте холодной водой, добавьте сахар и сварите. Нацинкованную свеклу залейте горячей водой, добавьте к свекле уксус и соль и сварите до мягкости, добавьте к свекле сваренные сухофрукты (вместе с жидкостью), нарезанный кубиками картофель и варите 20 мин. Остудите. Разлейте суп по тарелкам и при подаче добавьте рубленые крутые яйца, зеленый лук и сметану.

Борщ холодный красный

400 г. свеклы, 600 г. картофеля, 1 луковица, 1,5 чл. сахара, 4 чл. уксуса, 2 чл. соли, огурцы, яйца, зеленый лук, сметана.

Нацинкованную свеклу залейте горячей водой, добавьте соль и уксус и доведите до кипения: отлейте половину отвара в отдельную посуду, а в остальном доварите свеклу до готовности. Положите нарезанный кубиками лук, картофель и варите 20 мин. Охладите и влейте холодный отвар, который сделали раньше, положите сахар, разлейте по тарелкам борщ и при подаче в каждую тарелку добавьте огурцы, зеленый лук, рубленные крутые яйца и сметану.

ПРИЯТНОГО АППЕТИТА!

Издатель: Петрозаводская еврейская религиозная община 185035 г. Петрозаводск, а/я 360, тел. (814-2) 78-39-38 e-mail: talit@karelia.ru

Редактор:
Дмитрий Цвибель

Компьютерный набор, верстка и офсетная печать выполнены фирмой „Принт“, 185001, Петрозаводск, проспект Первомайский, 1
тел. 78-20-18, факс 78-12-26

Тираж 300 экз.

Из Израиля пришла скорбная весть:

скончался

ФЕЛИКС БУХМАН, *וַיָּמֻת לְבָרֶכָה*

Феликс много помогал нашей газете, делился своими комментариями, обсуждал материалы, помещенные в ней, со своими друзьями.

Для нас - это большая потеря.

Мы выражаем соболезнования родным и близким, всем, кто знал и ценил этого неординарного человека.

ПРОШЛОЕ НЕВОЗМОЖНО УНИЧТОЖИТЬ БЕЗ ТОГО, ЧТОБЫ НЕ РАЗРУШИТЬ НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ.

Давид Вольфсон - Бегство от иудаизма

**ХЭСЭД АГАМИМ
ПОЗДРАВЛЯЕТ С ЮБИЛЕЕМ**

ДОМНИЧ Галину Ильиничну
КОЗИЦИНА Виктора Васильевича
ПАКШИНУ Сильву Львовну
ПОЛИЩУК Галину Ильиничну
ШИЦА Владлена Владимировича

МАЗЛ ТОВ И ДО СТА ДВАДЦАТИ!